

Советская Абхазия
г. Сухуми

ГОРДОСТЬ АБХАЗСКОЙ СЦЕНЫ

Удивленными глазами смотрел он на них и думал: «Как было бы здорово, если бы я тоже стал артистом».

В 1929 году Абхазское правительство решило организовать в Сухуме театральную студию. По районным центрам и селам республики

оказался в списке абитуриентов. Труднее пришлось родителям — уговорить их не удавалось.

Прошло больше полугодия. Наступил декабрь. Похолодало, застали дожди. В один из таких дождливых и холодных дней мать по-

сидела Леваарсана в Сухум купить пальто. Он быстро справился с поручением и решил зайти в студию, навестить друзей. И тут сварились то, чего он не ожидал: руководитель студии Василий Иванович Домогоаров заинтересовался им. Юноша признался, что мечтает стать артистом. Тогда В. И. Домогоаров решил проэкзаменовать его. После нескольких этюдов Домогоаров одобрил его. «Вы будете учиться, даже обязаны учиться актерскому искусству».

17 ноября 1931 года стало незабываемым для Леваарсана. В этот день он впервые вышел на профессиональную сцену в роли революционера Маца в пьесе Самсона Чанба «Киаараз».

После Маца Л. Касландия предстал перед зрителями уже в противоположном по характеру образе — купца Абдуллы из комедии Н. Е. Гоголя «Ревизор». Следом за ним были роли слуги в пьесе «Доходное место» А. Островского, образ Умного, доброго старика в пьесе талантливого абхазского драматурга Муты Кое «Иху Халхарат», роль изгнанника Рашида в новой постановке режиссера И. Караглы драмы С. Чанба «Амхаджир».

С течением времени стал заметен рост сценического мастерства питомцев домога-

ровской студии. Вот что писала газета «Советская Абхазия» об игре Л. Касландия в пьесе А. Корнейчука «Гибель эскадры»: «Артист Л. Касландия по возрасту еще молод, но с точки зрения мастерства — вполне зрелый актер, с большим чувством меры. Л. Касландия очень скупой и удачно пользуется своим большим сценическим обаянием. Долго запомнятся созданные им образы — комиссар и

адмирал в спектакле «Гибель эскадры». В одном спектакле две разные роли исполнил актером с большим умением и теплотой».

Шло время, он сыграл много хороших, разных и интересных ролей, но кандал неудовлетворенность не покидала его. И вдруг — неожиданность. Его вызвали к директору театра и без всяких вступлений сообщили: «Леваарсан, ты должен сыграть Отелло». Ошеломленный этим неожиданным предложением, он стоял с растерянным видом человека, тайные мысли которого вдруг прочитали присутствующие. После паузы он тихо ответил членам худсовета: «Вы, наверно, ошиблись».

— и, повернувшись, направился к выходу...

«Высокий, широкоплечий, с черными курчавыми волосами, любезно улыбка белыми широко открытыми глазами, оттененный темно-бронзовым цветом лица — вот каким помнит молодого артиста Л. Касландия зрители, которые пришли на премьеру спектакля «Отелло».

Рождение замечательного абхазского Отелло датруется 4-м марта 1941 года — днем, когда Абхазия празд-

новала свое 20-летие. Премьера спектакля «Отелло» явилась украшением этого радостного дня. Зрители были глубоко взволнованы и тронуты всем увиденным и услышанным в этот вечер. С тех пор более четверти века человек открытой, доброй души оставался живой легендой абхазской сцены.

Много сказано об игре Л. Касландия в печати. Народный поэт Абхазии, основоположник абхазского театрального искусства Д. И. Гулиа писал о первой постановке «Отелло»: «И вот поднимается занавес. Звучат первые слова со сцены, и

забываешь обо всем на свете. Касландия-Отелло берет вас за самое сердце, его голос в одно и то же время и могучий и глубокий, велит вам за собой, поглощает целиком. Глядя на Л. Касландия, не веришь, что это молодой актер».

Не менее интересно мнение об этой роли самого артиста. «Поворя правду, — признавался он, — какой-то скрытый страх овладевает мной, когда вижу рекламу, оповещающую об очередном спектакле «Отелло». Мысленно начинаю перебирать отдельные эпизоды, которые, по моему мнению, менее удались в прошлём спектакле. Эти мысленные поиски постепенно охотворятся, и у меня уже перед началом спектакля возникает чувство полнейшей boldости. Мне очень нравится последний акт. Хотя он и труден, но я получаю от него огромное творческое удовольствие. Но, вообще, я не всегда бываю доволен своей игрой, хочется всегда играть лучше».

После «Отелло» Л. Касландия долго, около двух лет, не был занят в ролях масштабных, трудоемких, где требовалось бы много

сил и творческой энергии. Да и у театра не было времени ставить такие вещи: — началась война, резко изменился репертуар. Главное место в нем заняли одноактные пьесы на военные темы. Театр, разделившись на две группы, месяцами ездил по селам, показывая эти небольшие спектакли, давая концерты. В городах, где позволяла сцена, ставили трагедию Шекспира «Отелло». А потом появились старые пастух Даур в «Скале героя» Г. Гулиа, Яков в «Большой земле» К. Агуама, Ардашил в «Искренней любви» А. Ласури, Георгий в пьесе «Три друга» Ш. Габесрира, Джемал в «Потопленных камнях» И. Мосавили. Успел в спектакле «С тобой моя любовь» по пьесе Г. Гулиа...

Целая галерея положительных героев — тех, кто борется, спорит, отстаивает свою точку зрения, одерживает победу или же погибает за свои идеалы.

Если бы мы, говоря о творчестве Л. Касландия, ограничились знакомством только с его положительными героями и строгими обоями, созданными им, как, например, фантастический образ солдата (Уперд восточном солдате), сенатора Браун («Люди доброй мысли»), окованного и купца Каллиберов («Камни в пещеру»), полковника Колонийцев («Последние»), М. Горького, самозабвенный герой («Голый герой» Е. Шварца), миллионер Реджеб («Чулак» Н. Хикмета), то это было бы весьма несправедливо. Без этих отрицательных образов творческий путь артиста немыслим. Он сам говорит о них шутя: «Люблю этих мерзавцев, хотя и не за это».

Если представить себе Л. Касландия в окружении всех, в роли кого он выступил за свою долгую творческую жизнь, то получится целая толпа — разноплеменная, пестрая, разнохарактерная, но живая, настоящая,

реальная. Потому что всякий раз, работая над ролью, артист умеет мобилизовать все свои силы, фантазию, наблюдательность и темперамент, чтобы ярче, глубже показать внутреннюю жизнь своего героя. Этому поистине большому абхазскому актеру, воспитанному в лучших традициях русского и грузинского реалистического театра, одинаково подвластны образы героические, драматические и комедийные.

Л. Касландия не мыслит своего творчества вне политич. вне коммунистических идеалов. Его основная тема — это борьба за человека, за его права в жизни, за гуманное отношение к нему. И все его образы созданы со страстным вхождением человека, отдавшего им свою жизнь.

Нет уголка в Абхазии, где бы не побывал этот прекрасный актер. Он желанный гость шахтеров Тларчели, чаевов, чагурсов, табановодов Гарты Очамчирского, Гуджурского, Гульрипшского и Гальского районов. Его почтительно знают и грузинские зрители. Это они рукоплескали Отелло Касландия в дни Деял абхазского искусства в Тбилиси. Это ему, своему лучшему другу, народный артист СССР лауреат Государственной премии Акакии Хорави, стоя за микрофоном перед началом спектакля «Отелло», давал совет: Творческая дружба связывает Леваарсана Шардыньчука с выдающимися актерами Грузии, Армении, Украины и многих других братских республик.

Сильно раскисисто звучит голос артиста. Это талантливый, большой души человек, находясь в творческом расцвете сил, продолжает дарить зрителям свою неиссякаемую душевную теплоту, радость и жизнелюбие. И зритель платит ему преданной любовью.

А. АРГУИ,
доктор искусствоведения.

ВЫСОКОЕ СЛУЖЕНИЕ ТЕАТРУ

Борьба за человека, утверждение высоких моральных ценностей советского образа жизни — главная тема творчества народного артиста Грузинской АССР и Абхазской АССР Леваарсана Касландия.

дала Леваарсана в Сухум купить пальто. Он быстро справился с поручением и решил зайти в студию, навестить друзей. И тут сварились то, чего он не ожидал: руководитель студии Василий Иванович Домогоаров заинтересовался им. Юноша признался, что мечтает стать артистом. Тогда В. И. Домогоаров решил проэкзаменовать его. После нескольких этюдов Домогоаров одобрил его. «Вы будете учиться, даже обязаны учиться актерскому искусству».

разрезала комиссия для отбора наиболее одаренных будущих студентов студии. Побывала она и в школе, где учился Леваарсан. Но в этот день его не было. А те из его друзей, на которых пал выбор, на следующий день с радостью и гордостью сообщили ему о выпавшем на их долю счастье. Леваарсан загрузился. Затаенная мечта всхлынула в нем с новой силой. Но ему повезло: по настоянию педагогов школы он тоже

из сложнейших театральных образов — Отелло. Однако же даже встретился в одном спектакле. Было это в 1957 году и осталось незабываемым — «Отелло» шел в тот вечер в исполнении абхазских, грузинских и армянских артистов. Это был яркий театральный праздник, своеобразное состязание. И играл в первом акте, второй и третий шел в исполнении актеров Тбилисского теат-

ра с народным артистом Грузинской АССР А. Луцианином. В последнем, самом трудном, играл Лео Касландия. Он умевал. Дездемону так нечестный солдат исполнил бы смертный приговор над любимым другом, ставшим изменником. Он был бесподобен.

Мравалжаннер, Лео!

М. ЧУБНИДЗЕ,
народный артист СССР.

ВОЛНУЮЩИЕ ВСТРЕЧИ

Пускай она сама даст показания... И надо будет — отбериете чин И жизнью моей распорядитесь...

Актер создавал образ огромной трагедийной силы. Суровый воин с доверчивым, нежным сердцем, наслаждавшийся омерзным счастьем. Касландия отлично передавал борьбу двух начал в характере Отелло — просвещенного разума и стихий яростного темперамента.

Через несколько лет я видел его в «Голом короле» Е. Шварца. Это было неожиданно для меня — такой диапазон! Шел на спектакль с недоверием, ушел — удивленный широкой амплитудой таланта.

И вот — бенедикт юбилей. Новая встреча. От души хочу приветствовать артиста, поблагодарить за счастье, испытанное благодаря встрече с его талантом, пожелать ему творческого и человеческого счастья.

В. ЕВУСОВ,
искусствовед.

г. Ленинград.

ИНТЕРВЬЮ С ЮБИЛАРОМ

ОТЕЛЛО И ДРУГИЕ...

В канун празднования юбилея народного артиста Грузинской АССР и Абхазской АССР Л. Касландия с ним встретилась корреспондент «Советской Абхазии» Т. Троянская и попыталась ответить на несколько вопросов.

— Леваарсан Шардыньчу, вы принадлежите к первому поколению артистов Абхазского театра, к тем, кто создавал его, стоял у его истоков. Давайте вспомним то далекое время.

— Да, мы действительно были первыми. Тогда, в 1929 году, я учился в школе, в селе Кутул. У меня, помню, был громкий голос и говорил я очень четко и ясно, так что, как бызубот отвечать урок, — на всю школу слышно. Вот и говорил мне иногда учитель, что меня бы со сцены слушать. Я, конечно, тогда мало что в этом понимал, но тут, как раз когда перешел в шестой класс, началось набор в театральную студию, которая создавалась в Сухуми. Руководитель ее артист Иван Иванович Домогоаров. Давно не знаю, образовался ли театр, когда попал в студию, и это странно было, и очень интересно. Со мной вместе в этой группе были Азия и Разыбий Агба, Михаил и Муты Кое, Александр Хибба, Ной отуа, Спиридон Когонца, Алексей Шамба, Артем Микваби, Николай Кнут, Екатерина Шардыньчу, Аниа Аргун, Пела Ашуба... Учились мы с увлечением, забывали все на свете. Василий Иванович был у нас и режиссером, и примером, преподавал почти все предметы.

Автором наш педагог был Анатолий Орлов-Романовский, тоже из Москвы, артист Театра Революции. Да, очень повезло нам на педагогов. Эти годы вспоминаются как непрерывный праздник.

И вот начали мы готовить первый большой спектакль, который стал бы началом нашего профессионального театра. Сначала решили ставить гоголевского «Ревизора». Но потом переменили решение: что ни говорите, а ведь рождался-то Абхазский театр, и для первого спектакля нужно было национальное произведение. И мы остановились на драме Самсона Чанба «Киаараз». Занятия были в этом спектакле все наши студии. Репетировали до полного изнеможения. И вот — этот торжественный день. Так волновались, что ничего не видели вокруг, в зал было страшно взглянуть. Закончилось первое действие — аплодисменты. Значит, нравится? Сил словно прибавилось. А в конце нам так аплодировали, что казалось — конца не будет. Это был полный успех! И теперь уже мы были не студийцы, мы были актеры, первые актеры, говорившие с большой сценой на абхазском языке! Мы были по-настоящему счастливы. А потом сыграли и «Ревизора» — вообще русская классика у нас всегда была в почете.

— А какие другие спектакли и роли вам особенно запомнились?

— В 1936 году поставили мы «Гибель эскадры» Александра Корнейчука. Там я исполнил сразу две

роли — адмирала и комиссара. На премьеру приехал автор пьесы, и мне очень приятно было услышать от него одобрительный отзыв о моей игре. В «Амхаджире» Самсона Чанба я играл Рашида. «В глухой старине» Дзадза Дарсалиа выступал в главной роли — Захана, играл Колодийцев в «Последних» Манси-

ма Горького, офицера Боровского в «За тех, кто в море» Бориса Лавренева — это уже в годы войны.

— Но ваша самая главная роль...

— Да, к ней я готовился долго. К шекспировскому образу так просто не подойдешь — это образы титанические, сколько в них мощи, какие страсти! Еще на подступах к своему Отелло, в 1939 году, я смотрел этот спектакль в Москве, в Малом театре. Маюра играл знаменитый Остужев. Яго — Терехов. Видел я в роли Отелло также знаменитого Палазия. — по-моему, в те годы Палазия был лучшим ее исполнителем. Тогда в нашем театре было три группы — абхазская, грузинская и русская. Главным режиссером абхазской был Азия Агба, а всего театра — Сергей Челидзе. Вот под их руководством мы и начали репетировать «Отелло». Я тогда ни о чем думать не мог, кроме своего Отелло. Жил рядом с театром, где в пристроенном к нему здании были квартиры для артистов. Был молод, холост, энергии хоть отбавляй, и всю ночь дома читал свои монологи, не давая покоя соседям. И вот премьера — и успех оромный! На спектакле был представитель Управления по делам искусств при Совете Министров СССР — не помню сейчас его фамилии, и ему очень понравился. Двух-три дня спектакль не сходил с репертуара, и эта роль действительно стала моей главной и любимой.

— А однажды был интересный случай: «Отелло» исполнили сразу три состава на трех языках: абхазском, грузинском и армянском. У нас гастролировал Тонинский армянский театр, в репертуаре которого был «Отелло», и вот тогда

— Знаете, не люблю загадывать наперед. Но думаю, что новые роли еще будут.

— А как вы сами относитесь к творческим планам?

— На сценках Л. Касландия в ролях Отелло и Мура в пьесе А. Островского «Пятый вихор».

СЛОВА, ИДУЩИЕ ОТ СЕРДЦА

УВАЖЕНИЕ К НЕМУ БЕЗМЕРНО

СКОЛЬКИМ нужды из нас обязан театру! Это ведь не просто слова, не просто банальная истина — в его стенах формируется человек, его мировоззрение, его чувства. И если в этом плане говорить об Абхазском театре, то непременно обращаясь мысленным взором к его великоленному артисту Лео Касландия.

Это не просто один из самых дорогих, самых любимых абхазских актеров. Это человек, чей авторитет огромен, уважение к нему безмерно в народе. Им создано много прекрасных образов такой эмоциональной выразительности, что они живут в памяти, сердцах людей даже после того, как спектакли, в которых играл актер, уже много лет не идут на сцене. Они остались и сегодня такими же яркими для тех, кто их видел. Они вошли в золотой фонд Абхазского театра, стали страницами его истории.

Хочется сказать еще об одной огромной заслуге Леваарсана Касландия — о его прекрасном, чистейшем, богатом литературном

языке. Когда с такой многочисленной аудиторией, какая на многие годы его творческой работы сложилась у Леваарсана Шардыньчука, артист говорит на таком уровне и с такой глубиной, это не может не сказаться, не может не способствовать формированию языка.

Мне хочется назвать Леваарсана Касландия поэтом абхазской сцены. Думаю, с тем богатейшим жизненным материалом, которым он обладает, с его многогранной одаренностью Л. Касландия может и должен создать книгу о театре, о своем пути в искусстве, о своих взглядах на него. Сегодняшний праздник артиста — это праздник абхазской культуры, обязанной ему очень многим. И все мы — его верные, благородные почитатели, надеемся, что он сыграет еще много ролей, что мы еще много-много раз будем аплодировать ему, восхищаться им, благодарить его.

М. ЛАСУРИА,
председатель правления Союза писателей Абхазии.

ДРУГИ БРАТ

Мы знаем друг друга сорок пять лет — с 1939 года. Сорок три года из них работали под одной крышей, были не просто коллегами — членами одного, фактически, коллектива. Мы уже много лет соседи, живем в одном доме. Мы отлично знаем друг друга и безгранично любим друг друга.

Уважение к этому человеку. Люблю его, как родного брата. За все годы ни разу, как говорится, кошка не пробежала между нами. Это благородный человек, отличный товарищ, добрый сосед. И это — замечательный мастер своего дела. Артист большого таланта. Мы оба создали одна

и друга, и безгранично любим друг друга.

и друга, и безгранично любим друг друга.